

Научная сенсация

Жюль Монтегю

**Темные пятна
СОЗНАНИЯ**
Как остаться человеком

Издательство АСТ
Москва

УДК 616.8

ББК 56.1

M77

JULES MONTAGUE

LOST AND FOUND

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit (UK) LTD и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Перевод с английского: Анваер Александр

Монтегю, Жюль.

M77 Темные пятна сознания. Как остаться человеком / Ж. Монтегю ; [пер. с англ. Александра Анваера] – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 224 с. – (Научная сенсация).

ISBN 978-1473646940 (англ.)

ISBN 978-5-17-106789-2 (Издательство «АСТ»)

Невероятная книга о том, как можно потерять и найти себя снова. Кем мы становимся, когда наш мозг перестает функционировать как раньше? Меняется ли человек в результате таких нарушений и может ли расстройство сознания положительно отразиться на его работе? Все, что касается слабоумия, травм головного мозга, нарушений сна, комы и множественного расстройства личности, исследует ведущий невролог, журналист и доктор Жюль Монтегю. В книге подробно даются ответы на самые волнующие вопросы о том, что происходит у нас в голове во время различных процессов. Почему мы иногда забываем, зачем мы вошли в комнату? И что, если вместо того, чтобы терять воспоминания, мозг просто создает ложные?

УДК 616.8

ББК 56.1

ISBN 978-1473646940 (англ.)

ISBN 978-5-17-106789-2 (Издательство «АСТ»)

© 2018 by Julie Phukan

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Содержание

Введение	5
Часть I. Память	9
Глава 1. Выпадения	11
Глава 2. Честные лжецы	32
Глава 3. Моментальные снимки	59
Часть II. Личность	87
Глава 4. Незнакомец	88
Глава 5. Расщепление личности	110
Глава 6. Таланты	130
Часть III. Сознание	157
Глава 7. Распад и растворение	158
Глава 9. Сон	175
Глава 9. Вызов времени	194
Эпилог	221

Введение

Все началось с головной боли, правда, не очень сильной. Она проходила от парацетамола, но потом он перестал помогать. Очень скоро речь стала смазанной, а в глазах начало двоиться.

Много лет назад она водила нас с Анной домой после занятий теннисом и школьных дискотек, и вот теперь Анна спрашивает меня о стадиях развития опухолей мозга и интересуется, нет ли каких-нибудь экспериментальных методов лечения.

Потом между нами состоялся разговор совсем иного рода.

«Мать, – рассказала мне Анна, – начала со слезами на глазах говорить всем членам семьи, как она их любит. Она признавалась в любви ежедневно, по много раз. Такого за ней никогда не водилось, она всегда была холодной, сдержанной и довольно отчужденной». Анна спрашивала, что бы это могло значить. Возможно ли, что на поверхность вышла истинная личность матери, и эти признания были искренними? Или это было просто следствие неоперабельной опухоли в лобных долях мозга – пустые признания в любви, бывшие лишь признаниями в болезни?

Я могла отвечать на вопросы о стадиях развития опухоли и об экспериментальных методах лечения. Но что я могла ответить на этот вопрос? Это было очень и очень нелегко.

В медицине существует давняя величественная традиция – клинические конференции. Молодой врач выходит на сцену перед большой аудиторией, состоящей из пожилых профессоров (в старомодных галстуках), консультантов, преподавателей и студентов. Молодой врач представляет историю болезни своего пациента, страдающего какой-нибудь редкой болезнью. После доклада в зал приводят или привозят в кресле больного, иногда с капельницами, электродами и кислородными катетерами. Больного публично опрашивают, осматривают, выстукивают, выслушивают, а затем отпускают.

Что внутри, или истории из морга

Теперь на сцену вызывают другого молодого врача и начинают допрашивать вопросами: «Как вы будете обследовать и лечить этого больного?» Врач нервничает и отвечает не вполне уверенно. Именно здесь возникают и рушатся репутации. Потом инициатива переходит к профессорам, творящим суд и расправу.

В этом сократическом ритуале есть несомненная польза. Если вы столкнулись хотя бы раз в жизни с таким таинственным случаем, и выслушали вердикт дельфийского оракула, вы никогда в жизни не забудете этого больного. «А-а, я, знаете, уже это видел на одной клинической конференции».

Между тем, больные только выигрывают от этого ристалища врачебной проницательности и клинической опытности множества специалистов, многие из которых видели когда-то подобные случаи. Этот подход имеет большое значение, он лечит по-настоящему.

Клинические конференции, в той или иной форме, проводятся еженедельно почти во всех госпиталях и больницах мира: в туберкулезном госпитале в Гайане, где я бывала студенткой, в больших палатах мозамбикского госпиталя, где я преподавала каждое лето, и в госпитале зеленого Хэмпстеда в северном Лондоне, где я теперь работаю.

На клинических конференциях мы говорим о легочном фиброзе и сердечном выбросе, судорожных припадках и сыпях, лихорадках неясного генеза и аневризмах брюшной аорты, почечной недостаточности и токсической печени. Мы рассматриваем расширенные зрачки и прощупываем узловой зоб. Мы пальпируем увеличенные селезенки и опухшие лимфатические узлы. Мы перкутируем живот и вызываем сухожильные рефлексy.

За двадцать лет, что прошли с тех пор, как я поступила на медицинский факультет, я никогда не слышала на конференциях слов «личность» или «характер». Клинические конференции – апофеоз обучения клиническому мышлению, и это не место для философских рассуждений или глубоких эмоциональных переживаний. Диагностические ярлыки больше говорят о недугах больного, нежели о его личности. Мы говорим о кровопотере и дыхательной недостаточности, но не пытаемся оценить потерю личности или утрату самости.

Сделала ли опухоль мозга у матери Анны большую самой собой в большей или меньшей степени? Думаю, что ответа на этот вопрос мы бы не получили на клинической конференции.

Вместо конференций я вспомнила истории, которые я, будучи неврологом, выслушиваю каждый день. Ко мне приходят самые разные больные: машинисты метрополитена и учителя, адвокаты и таксисты, колдуньи белой магии со своими отварами и пророчествами, неугомонные преступники, прикованные наручниками к молчаливым надзирателям. Приходят женщины в бурках, мужчины в бубу и монахини в сутанах. Осматриваю я пожилых и старых женщин, описывающих свои болевые ощущения детским словом «бо-бо». Приходят ко мне на прием атеисты и религиозные фундаменталисты. Вижу я и недавно прибывших в нашу страну людей, которые показывают мне рубцы от перенесенных пыток.

Однако вне зависимости от особенностей одежды, этнической принадлежности, вероисповедания и увечий все они проявляют стремление рассказать свою историю. Они рассказывали истории о потере памяти или о слабости в конечностях. Рассказывали об удущье и лихорадке, боли и ознобе. За всеми этими симптомами были истории их супругов, которые либо беззаветно помогали, либо уходили, истории поддержки, которую предлагали или в которой отказывали. Это были истории о смерти – устрашающей или желанной.

Эти истории, в конечном счете, приводили меня к диагнозу, и, следовательно, к лечению.

Но в сути этих историй есть и глубокий пласт, они позволяют заглянуть в человека, понять, кем он стал. Это проявляется не только самим фактом развития опухоли мозга, деменции или помрачения сознания, но и украшательством истории, забывчивостью, странными сновидениями, сомнамбулизмом или приемом психотропных лекарств.

Эта книга посвящена необычным, исключительным больным, с которыми мне приходилось сталкиваться за время моей врачебной практики. Но это книга и обо всех нас, о непрерывности нашего опыта, и о том, какими мы становимся, когда эта непрерывность тем или иным способом нарушается.

Честно признаю, я ответила Анне без малейшего колебания. Я сказала ей, что в ее матери проснулась ее истинная сущность, ее любовь. О любви говорила она сама, а не рак. Я сказала, что изъятие любви было настоящим, что теперь она стала собой – возможно, впервые в жизни.

Но потом в мою душу закралось сомнение. Почему я так в этом уверена? Если бы, например, мать Анны стала более черствой, более враждебной, то сказала бы я, что это и есть ее истинная внутренняя сущность?

Может быть, я сказала бы, что изъявления любви были проявлением истинной сущности матери Анны, потому что она отчаянно хотела это услышать, а я отчаянно хотела в это верить.

Я до сих пор в это верю.

Часть I

Память

Детская память подвержена искажениям, автобиографическая – украшательству. Создаются ложные воспоминания, а истинные – стираются из памяти. Припоминания выбирают, фильтруют и делят на категории.

Лица забываются, и теряется воспоминание об отрезках жизни. Забывается готовое сорваться с языка слово, из памяти исчезает имя встреченного на улице человека. Мы теряем ключи от машины и не помним, куда дели мобильный телефон. Кстати, зачем я поднялась на второй этаж?

В воспоминании и забывании мы можем стать самими собой, а можем превратиться в чужих самим себе незнакомцев.

Здесь вы найдете рассказы о потерявших память бродягах, о сочиняющих небылицы невольных лжецах и патологических лгунах, прекрасно знающих о своем мошенничестве. Я поведаю о журналистах, искажающих истину, о политиках, делающих странные заявления, о свидетелях, вспоминающих то, чего никогда не видели.

Я расскажу о вас и о себе.

На этом пути наши самости будут открываться или разрушаться.

Но давайте начнем наше путешествие. В дорогу!

Выпадения

Вы стоите на кухне. Перед вами поваренная книга. На обложке женщина облизывает шоколадную ложку. Это вы оставили здесь книгу? Что происходит, как и зачем вы это сделали? Вот кулинарная игла. Серебряная игла с рукояткой, деревянный четырехугольник. Что это? Ах да, это разделочная доска. Так-так, значит, это – не игла, а нож. А это что – всякие часы на духовке, с цифрами и значками? Циферблаты, циферблаты. Какое время обозначают эти часы? Они включают холодильник. Внутри спрятан телефон. Это вы включили газ? Или это сделал кто-то еще? Кто-то проник на кухню и включил газ, когда вы рылись в холодильнике, и хотел вас убить, но вы вовремя обернулись.

По телевизору показывают Дэвида Аттенбро. Он несколько постарел, думаете вы. Вот еще какие-то животные. Это свиньи? Да, может быть. Нет, голос из телевизора говорит, что это носороги. Как они похожи на свиней, один в один. Такая же форма, такие же тени. Свет мигает.

Вы погружаетесь в воспоминания и застреваете в прошлом. Воспоминания захватывают, окутывают вас. Мятное мороженое с шоколадными шариками. День жаркий, мороженое тает, конус над стаканчиком оплывает, и вы то и дело облизываете пальцы. Вы с такой силой прижимаетесь лицом к забору, что нос проваливается в щель между досками. В небе видны жирафы с длинными шеями. Некому сказать: «Я тебе уже об этом говорил». Их не было,

это все сказки и придуманные истории. Это ваши истории, и вы можете, по своему желанию, помнить их или забыть.

Имена. Сначала это соседка, живущая за углом. Вы видите ее каждую среду, когда она катит свою тележку в магазин. У соседки согбенная спина, серая кожа. Она кашляет, отхаркивает мокроту, на ногах у нее ортопедические туфли и эластичные чулки. Она говорит о бессоннице и эмфиземе. Иногда вы вдруг вспоминаете первую букву ее имени. Когда же вы слышите ее имя полностью, в вашей голове звенит звоночек припоминания. Это, безусловно, хороший знак.

Вскоре, однако, из вашей памяти улетучивается еще одно имя. Она говорит, что это был ваш лучший друг. Зеленая школьная форма, горелки Бунзена с оранжевыми газовыми трубками, деревянные столы с книгами. Периодическая таблица, на ней видны ртуть и цинк. Имя, однако, улетучилось. Очень скоро за ним последует и лицо. Оно станет незнакомым.

Проходит время. «Это ваша дочь», – настаивают люди. «Она не может быть моей дочерью», – думаете вы. «Это незнакомка. Я вижу ее впервые». «Это ваш сын, ваш брат, ваша сестра». Это изображения на заключенной в рамку фотографии. Жалкие лжецы. Они хотят отнять у вас деньги и вещи, надо немедленно их остановить.

На улице холодно. Буквы на свитере спереди. Джемпер. Куча вещей. Распродажа. Машина. Комната проветривается. Вьется сигарный дымок. «Пообещай, мне, Кэрол!» «Ваши пальцы как-то странно окрашены. Они красные? Синие?» Нос побелел. Снег. Лед. Мороженое. Зачем-то появляется полицейский. Бобби. Должно быть, это его имя – Бобби. Он держит одеяло. Едем домой, говорит он. У входной двери – незнакомцы. Бобби их знает. Они здороваются, пожимают друг другу руки, кивают головами. У его матери было то же самое, говорит Бобби. Что «то же самое»!?

Мозг отказывается служить

Что происходит, когда вы что-то забываете, когда теряете память, вещи и людей? Когда близкие люди теряют вас?

Человек состоит не из одной только памяти. У него есть чувства, воля, чувствительность, мораль... Все это здесь... Вы

можете прикоснуться к нему, и увидите, как быстро все пере

вение потеряла их из вида. Она вдруг оказалась на дороге совсем одна, внимательно разглядывая фиолетовые и зеленые указатели на деревянных столбах. Но почему-то они показывали каждый раз разные направления. Анита решила выбрать один путь, но он привел ее в тупик. Она стояла на раскисшей тропинке, слышала удаляющиеся голоса группы и впадала в панику. Она бросилась по другой тропинке и ошиблась, потом по другой, и снова ошиблась. Дрожавшую и плачущую ее обнаружил возвращавшийся из школы гольфа человек. Анита безуспешно пыталась набрать по сотовому телефону номер Патрика.

Теперь Анита сидит передо мной, в моем кабинете. Рядом сидит Патрик. Думаю, они уже все понимают. Анита выглядит совершенно растерянной и сбитой с толка.

Она одета изысканно и со вкусом. Видно, что она тщательно готовилась к этому визиту. Розовая сумочка в тон к розовым серьгам. В руках у Патрика записная книжка в черном кожаном переплете и перьевая ручка.

Анита хорошо помнит летние детские путешествия в Батлинский лагерь в Мозни: там она участвовала в соревнованиях на приз Принцессы Праздника. Там дети ели мороженое, жили в деревянных домах и искали зарытые сокровища. Анита хорошо помнила, как ругалась с братом из-за «Лего». Помнит она и замечания за разговоры в классе. «Я такая болтушка, такая болтушка!»

Но, если я спрашивала ее о том, что произошло сегодня утром или на прошлой неделе, то в кабинете повисало неловкое тягостное молчание.

«Яблоко», «стол», «пенни». Я трижды повторила для Аниты эти три слова, чтобы они отпечатались в ее мозгу. Через минуту я попросила ее повторить их, и она не смогла. Она помнила, какой на дворе месяц и год, но не могла назвать число или вспомнить день недели. Я попросила ее нарисовать часы, и она нарисовала все цифры на одной стороне циферблата. Врачей учат выявлять асимметрию, то есть несоблюдение строки при письме, отличия от нормального рисунка. Именно в этих мелочах кроется патология. Я попросила ее нарисовать куб. Линии, которые нарисовала Анита, беспорядочно переkreщивались, и рисунок ничем не напоминал правильную геометрическую фигуру.

Вначале болезнь Альцгеймера поражает височную долю, и это происходит задолго до того, как проявляются видимые симптомы.

Атрофия гиппокампа (структуры, напоминающей по форме морского конька) и энторинальной коры начинается очень рано. Страдает эпизодическая память – способность путешествовать назад во времени, способность кодировать, хранить и воспроизводить личный опыт, личные конкретные переживания: как вы отмечали в прошлом году свой день рождения, что вы ели на завтрак сегодня утром, куда ездили в отпуск прошлым летом*?

Существуют и другие формы деменции, состояния, при котором поражаются когнитивные способности – такие, как способность к обучению, припоминанию, усвоению языка, социальных навыков и исполнительных функций. Однако болезнь Альцгеймера – это наиболее частая и распространенная причина деменции, и ранние проявления касаются как раз способности к припоминанию.

Болезненный процесс, между тем, прогрессирует, захватывая остальные участки височной доли и теменную долю, а далее распространяется на переднюю часть головного мозга. Больной постоянно повторяет одни и те же вопросы, не помнит, куда кладет вещи (при этом часто кладет их в самые неожиданные места), теряется в магазинах. Родственники начинают прятать ключи после того, как больной въехал в чужую машину на повороте. Речь становится неуверенной, больной испытывает трудности при назывании предметов: сначала это сковородка, потом холодильник, потому шариковая ручка. Больной начинает путать перчатки с носками, тигров принимает за кошек. Больной забывает «как» делаются разные вещи – как застегивается рубашка, как меняются телевизионные каналы с помощью пульта. По мере гибели нервных клеток передней части мозга больной теряет способность к планированию и не может одновременно делать две вещи, становится встревоженным и раздражительным, а иногда впадает в депрессию и начинает страдать манией преследования.

История Аниты весьма похожа на истории других пациентов с болезнью Альцгеймера, которой в мире ежегодно заболевают 47 миллионов человек – один каждые 3,3 секунды. Самым большим фактором риска болезни Альцгеймера является возраст, и первые симптомы, как правило, появляются после шестидесяти пяти лет, приблизительно в том же возрасте, в каком они появи-

---

* Это переживание личного опыта зависит также от связей височной доли с лобной и с лимбической системой; другие области мозга играют вспомогательную роль в работе памяти.